

То время уходит в историю

К 90-летию со дня рождения В. М. Воронова

С. Т. БРЕЗКУН

В. М. Воронов

Виктор Михайлович Воронов родился 9 июля 1933 г. в станице Абинской Краснодарского края в семье танкового командира. С 1938 г. жил в г. Днепропетровске. В 1947 г. поступил в Днепропетровский строительный техникум, после окончания которого в 1952 г. был направлен в КБ-11.

Работу в КБ-11 начал в должности техника-конструктора отдела № 43. В 1959 г. окончил с отличием вечернее отделение филиала МИФИ в Сарове. Участвовал в разработке первых отечественных термоядерных зарядов, в том числе РДС-27, был ведущим конструктором по атомной боевой части ЗУР-215.

С 1969 г. – начальник отдела тактико-технических и проектно-расчетных исследований зарядного КБ-1. Один из руководителей аналитических и проектных исследований и разработок по созданию ядерного боевого оснащения межконтинентальных баллистических ракет. Подготовил 7 кандидатов технических наук.

С 1992 по 2005 г. – начальник отдела проблемного анализа ядерных вооружений № 50 РФЯЦ-ВНИИЭФ.

С 2008 г. на заслуженном отдыхе.

Лауреат Ленинской премии (1962), кандидат технических наук, старший научный сотрудник по специальности «Спецмашины и автоматы», почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ, ветеран атомной энергетики и промышленности.

В 1990–2000-е гг. работал на общественных началах сменным редактором научно-популярного журнала «Атом».

Награжден орденом Ленина (1976), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «Ветеран труда».

Умер 27 марта 2017 г.

27 марта 2017 г. институт простился с крупным оружейником-зарядчиком Виктором Михайловичем Вороновым.

Нечасто, когда уходит из жизни человек, можно сказать, что с ним уходит часть эпохи. А вот о Викторе Михайловиче Воронове так сказать можно. Среди творцов военно-политического и военно-технического паритета СССР с Соединенными Штатами Америки были физики-теоретики и экспериментаторы, конструкторы и испытатели, и в этой сплоченной когорте ярких личностей фигура Виктора Михайловича не потерялась.

Он родился на Кубани, с пяти лет жил на Украине. Детство закончилось с началом войны. В день, когда Вите сравнялось восемь лет, немцы первый раз бомбили ставший для него родным Днепропетровск. Так в памяти и осталось: праздничный борщ, вареники с вишней, а потом сразу – бомбы, разрывы...

Отец воевал, семья эвакуироваться не успела и осталась в оккупации. Но в том 1943 г., когда на фронте погиб отец, советские войска освободили Днепропетровск. Страна опять принадлежала своим гражданам, молодость вновь обрела будущее...

После семилетки 14-летний Виктор поступил в Днепропетровский строительный техникум, окончив который был в 1952 г. направлен в КБ-11. Специальность «Изготовление и монтаж металлоконструкций» была мирной, и угадать, какой окажется судьба ее обладателя, не смог бы тогда даже самый отчаянный фантазер. Много позднее Виктор Михайлович вспоминал: «По распределению был направлен в Москву в Главгорстрой СССР. Далее – Цветной бульвар, товарищ Солнцев И. И., Приволжская контора Главгорстроя, предприятие п/я 975...

По всей видимости, строгости режима секретности того времени не позволили кадровикам правильно оценить обстановку... и меня направили в конструкторский сектор № 5, который разрабатывал конструкции атомных зарядов и отработывал их в лабораторных условиях.

5 августа 1952 г. я приступил к трудовой деятельности в отделе № 43, который в то время

возглавлял яркий конструктор, замечательный человек, В. Ф. Гречишников. Начал работать в группе, которой руководил соратник В. Ф. Гречишникова по военным годам Д. А. Фишман. По сути, пришлось осваивать профессию конструктора с азав...».

Да, ремесло пришлось осваивать с азав. Студента Воронова учили изготавливать и монтировать огромные ферменные конструкции... А здесь – атомный заряд, микронные точности. И вообще, все неизвестное и непонятное... Но Виктору Воронову повезло на учителей – его «крестными отцами» в нелегком деле конструкторской разработки ядерных зарядов стали В. Ф. Гречишников (1917–1958) и Д. А. Фишман (1917–1991), тогда уже лауреаты Сталинской премии, в будущем Герои Социалистического Труда и лауреаты Ленинской премии. В советском зарядостроении было две самобытные конструкторские школы – Владимира Федоровича Гречишникова и Давида Абрамовича Фишмана.

И Воронов прошел обе!

Когда Виктор прибыл в КБ-11, оставался ровно год до испытания нашей первой термоядерной бомбы РДС-6с. Как раз за нее Гречишников получил звание Героя Социалистического Труда. Стиль Гречишникова был искрометным, бурным, в чем-то рискованным. Иным был стиль второго (и главного) учителя Воронова – Давида Абрамовича Фишмана. Фишман был сдержанней, дотошней, с манерами менее яркими, зато более основательными, фундаментальными. Под рукой Фишмана и проходила вся наиболее активная деятельность Виктора Михайловича.

В день, когда юный днепропетровец предстал перед 35-летним Фишманом, тот – участник испытаний заряда первой советской бомбы РДС-1, считался корифеем. А перед ним стоял молодой красавец – хоть в кино снимай, но со специальностью, очень уж далекой от задач разработки зарядов. Однако Давид Абрамович умел видеть перспективных ребят, и, сказав: «У вас, у строителей, меряют на метры, но ничего – научишься мерить на миллиметры», он положил начало биографии Воронова-«бомбодела»...

Бывает, человеку повезет с делом. Бывает, делу повезет с человеком. В случае Виктора Михайловича имели место оба варианта, и поэтому его служебный рост каждый раз оказывался новой его высотой, освоенной прочно. Начав техником-конструктором, Виктор сразу же поступил на вечернее отделение саровского филиала МИФИ и в 1959 г. окончил его с отличием,

но уже ко времени защиты дипломного проекта вырос в должности до старшего инженера-конструктора, был ведущим по заряду для атомной боевой части зенитной управляемой ракеты ЗУР-215. Тогда это был путь многих молодых сотрудников КБ-11, взрослых в суровые военные и послевоенные годы. Однако у обретающего зрелость Воронова он оказался особенно ярким.

Важным этапом на творческом пути стало участие как в разработке конструкции одного из первых термоядерных зарядов РДС-27, так и в испытаниях его на Семипалатинском полигоне. Пришлось в ходе летно-конструкторских испытаний побывать и на полигоне Байконур. Накапливались и впечатления, и опыт...

Надо заметить, что Виктор Михайлович, будучи прекрасным рассказчиком, – а рассказать ему было о чем! – полноценных мемуаров, зафиксированных на бумаге, не оставил, но об отдельных эпизодах его рукописные воспоминания имеются. В этих воспоминаниях проявляются и натура Воронова с его уважением к точности, и масштаб рассказчика. Ведь эпоха, о которой он вспоминал, была и его эпохой, а те, о ком он вспоминал, были его старшими товарищами. Вот что писал он в юбилейном очерке о Давиде Абрамовиче Фишмане: «Конец апреля 1989 г. накануне праздника... Просторный кабинет профессора Д. А. Фишмана... Полированный стол, ряды стульев, грифельная доска напротив со следами недавнего обсуждения. Здесь происходило немало событий, важнейших для создания отечественного оружия. Именно от хозяина кабинета я и услышал тогда о Первом конструкторе. "А вы знаете, – вспоминал он, – ведь первым советским конструктором ядерного оружия был Виктор Александрович Турбинер, крупный инженер, который приобрел ценный опыт в Америке. Сейчас об этом практически никто не знает даже среди разработчиков. Из средств массовой информации можно узнать только о физиках, а не о конструкторах"»...

К 1989 г. в газетах и журналах стали появляться статьи о первых годах советской атомной истории с именами наиболее крупных ее фигур, но писали только о Харитоне, Курчатове, Зельдовиче, Сахарове и еще ряде теоретиков. Не были на общественном слуху даже имена генералов Духова и Негина, руководивших зарядной конструкторской работой еще в КБ-11. Так что горечь в словах Героя Социалистического Труда, лауреата и Сталинской, и Ленинской, и Госу-

В. М. Воронов, Д. А. Фишман, В. Т. Солгалов, В. А. Белугин

дарственной премий СССР Фишмана, прямого и выдающегося соратника тех, о ком писали журналисты, была вполне понятна и обоснована.

С момента разговора Давида Абрамовича и Виктора Михайловича прошло более тридцати лет. Изданы книги о конструкторах-зарядчиках Духове, Негине, Фишмане... И теперь, основываясь на трудах предшественников, рассказать об «отцах-основателях» КБ-11 – конструкторах зарядов – намного проще. Хотя ряд деталей – и порой, надо полагать, не таких уж несущественных – прояснить уже вряд ли удастся, даже зарывшись в толщу документов того времени. Вот почему так ценно то, что оставил нам как свои свидетельства о тех годах и людях Виктор Михайлович. В чем в чем, а в том, что он писал, вольностей с фактами не допускал! Весной 1990 г. Юрий Кириллович Чернышев из уральского ВНИИТФ прислал во ВНИИЭФ рукопись своей книги о Турбинере «Первый конструктор».

«Я дал прочесть рукопись Фишману, – вспоминал В. М. Воронов, – а после спросил: "Кто же все-таки Турбинер и какова его роль на первых этапах конструкторских работ по РДС-1? Почему его "ушли"? В чем тайна этого эпизода в истории создания первой бомбы?". Давид Абрамович ответил как-то невыразительно и витиевато, ссылаясь на то, что сам его знал очень мало, что в условиях жесткого режима секретности трудно было понять его роль и т. д.

Тогда я поставил вопрос иначе:

– Но Турбинер был все-таки действительно первым конструктором этого проекта?

– Да, ты прав, – сказал Давид Абрамович. – Первым конструктором, не зависимо ни от чего, был Турбинер...».

Фишмановское «...не зависимо ни от чего» показательно, а сохранил его для исследователей истории Атомного проекта Виктор Михайлович.

Уже с первых лет работы Виктор Воронов жил в атмосфере стремительного развития оружейной работы, и Юлий Борисович Харитон, и Яков Борисович Зельдович, и Андрей Дмитриевич Сахаров, и Николай Леонидович Духов были для него живыми людьми, впечатляющими ориентирами собственного развития.

А однажды, в ходе ночной контрольной сборки бомбы, он познакомился и поработал вместе с самим Бородой – Игорем Васильевичем Курчатовым. Курчатов нередко приезжал в «харитоновское» КБ-11 – один, и в составе комиссий. Приходил на сборки – и сам, и с Ю.Б.

Осенью 1954 г. проводилась большая серия воздушных испытаний, и на предприятии непрерывно шли контрольные сборки изделий и подготовка их к отправке на полигон. Воронов, как один из авторов «Инструкции на окончательную сборку» (ИОС-9) – документа, где детально расписывался весь технологический процесс, вместе со своим начальником Борисом Юрьевым и военпредом был вызван в сборочный цех. Добравшись на служебной «Победе» до места и пройдя через два контрольно-пропускных пункта, они оказались перед зданием с высокой земляной обваловкой. В тамбуре сняли верхнюю одежду и обувь, надели белоснежные халаты и прошли в цех.

В центре стоял ажурный монтажный стапель, «внутри которого находилась огромных размеров бомба...». Полусферическая носовая часть корпуса бомбы с помощью монтажных петель была откинута в сторону «подобно крышке кофейника». На стапеле был установлен специальный сборочный стол с высокими бортами, покрытый толстым войлоком с белой клеенкой поверх него.

«Ближе к полуночи, – писал Воронов, – кто-то на стапеле вполголоса сказал: "Приехал Борода". Через некоторое время в сборочный зал

в белых халатах вошли Игорь Васильевич Курчатов и Юлий Борисович Харитон... В центре зала они остановились, о чем-то поговорили, и Юлий Борисович ушел, а Игорь Васильевич поднялся по лестнице на стапель и поздоровался со всеми. Спросил, как идут дела, на каком этапе находится сборка... Пошел неторопливый процесс контрольной сборки, строго по инструкции ИОС... Игорь Васильевич изредка подходил к столу, смотрел, как собираются отдельные узлы...

Зрелище было впечатляющее... На столе, словно в хирургической операционной, лежала разнообразная сборочная оснастка: вакуумные присосы, сборочные воротки, приспособления для сборки и монтажа в бомбу узлов, установка для определения частот собственных колебаний нейтронного источника при его подвеске...».

Шло время... Уже далеко за полночь. Курчатов вдруг оживился – на стапель подняли контейнеры с плутониевыми деталями... «Только значительно позже, много лет спустя, – вспоминал Воронов, – мне стало понятно, что значил для Игоря Васильевича плутоний... Возможно, это и привело его в глубокую осеннюю ночь на контрольную сборку».

В период становления «плутониевого» комбината № 817 Курчатов дневал и ночевал там. И плутоний – этот рукотворный, давно в природе исчезнувший, распавшийся элемент таблицы Менделеева, искусственно воссозданный в виде «оружейного» металла, значил для Игоря Васильевича много. Как, впрочем, и для Харитона. На тему «Курчатов и плутоний» написано много, но Виктор Михайлович несколькими фразами сумел внести в эту тему и свое слово.

Название этой статьи дублирует название книги воспоминаний «То время уходит в историю», изданной в РФЯЦ-ВНИИЭФ в 2008 г. при активнейшем участии – творческом и организаторском – Виктора Михайловича. Без «литературных красот» – по признанию самого Виктора Михайловича – книга, написанная непосредственными и деятельными участниками событий, рассказывала о людях, годах и жизни в то время, когда закладывались традиции, формировался коллектив и его стиль.

Свой труд авторы – С. Н. Воронин, В. М. Воронов, В. Т. Солгалов и Е. Д. Яковлев – посвятили «конструкторам и исследователям КБ-1, которые самоотверженным трудом создавали ядерный щит Родины». В эти четыре слова – «создание ядерного щита Родины» – и укладываются судьба и работа Воронова. Причем коллектив,

которому посвящена книга, жил жизнью, как думали сами зарядчики, простой, обычной, а на поверку оказалось – легендарной...

Работали ежедневно до 9–10 часов вечера, рабочие комнаты запросто заходили Сахаров, Зельдович, бывал и сам Харитон. Когда время поджимало, а Ю.Б. уезжал, он, как вспоминал Виктор Михайлович, мог поставить свою подпись на ватмане сборочного чертежа, на котором пока была проведена лишь... одна «особо важная» осевая линия. Так шло становление оружейника Виктора Воронова, постепенно вырастающего уже в Виктора Михайловича.

Отдел, ставший для Воронова родным, был отличной школой ремесла и жизни. Рядом с Вороновым работали те, кто со временем составит костяк руководства зарядного КБ-1: лауреат Ленинской премии Станислав Николаевич Воронин – будущий Главный конструктор КБ-1; лауреат Ленинской премии Евгений Георгиевич Мальхин; лауреаты Государственной премии СССР Владимир Александрович Белугин – будущий директор института и Евгений Дмитриевич Яковлев – будущий Главный конструктор ВНИИЭФ, сменивший Воронина. И, пожалуй, без той творческой, деловой и человеческой атмосферы, которая приняла в себя молодого техника, не было бы и крупного инженера-аналитика Воронова – руководителя работ по важнейшей перспективной тематике.

Впоследствии он вошел в узкий круг научно-технического руководства ВНИИЭФ, сотрудничая с Главными конструкторами Евгением Аркадьевичем Негиним и Самвелом Григорье-

Отдел № 50 в Музее ядерного оружия. Конец 1990-х гг.

вичем Кочарянцем, с выдающимися физиками-оружейниками, членами-корреспондентами Академии наук СССР Юрием Алексеевичем Трутневым и Юрием Николаевичем Бабаевым.

Особым стал для конструктора Воронова 1962 г. Тогда в составе коллектива разработчиков за создание термоядерного заряда для оснащения первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 С. П. Королева он был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Лидером в области военного ракетостроения становится КБ «Южное» во главе с М. К. Янгелем. Началось многолетнее сотрудничество КБ-11 (ВНИИЭФ) с КБЮ. Виктор Михайлович активно участвовал в совместных работах, и это, безусловно, способствовало расширению его знаний об особенностях функционирования боевого оснащения стратегических вооружений. А прямое деловое общение с крупными фигурами оружейной деятельности позволяло расти и как инженеру, и как организатору. Даже спустя десятилетия он помнил многое, помнил точно и рассказать мог сочно. Приводимый ниже эпизод тоже взят из его очерка об Учителе – Давиде Абрамовиче Фишмане.

21 июля 1967 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о передаче на вооружение тяжелой межконтинентальной ракеты Р-36 с моноблочной головной частью (ГЧ) мегатонного класса. К 50-й годовщине Великой Октябрьской революции намечалось развернуть 50 этих МБР, хотя летно-конструкторские испытания (ЛКИ) еще не были закончены. И вот

на одном из пусков МБР в рамках ЛКИ головная часть на финиш не пришла. Начался поиск причин аварии. Наземная программа исследования возможных причин предусматривала, кроме прочего, и совместное статическое нагружение ГЧ и имитатора заряда инерционными нагрузками, возникающими на атмосферном участке спуска ГЧ. До этого лабораторная отработка корпуса ГЧ и заряда проводилась автономно (т. е. по отдельности) на имитационных макетах – в соответствии с упрощенной методической схемой. Окон-

чательное же заключение о прочности конструкции в условиях действия инерционных траекторных перегрузок предполагалось дать после ЛКИ.

При первом же совместном испытании корпуса ГЧ и прочностного макета заряда, корпус в зоне фланца заряда разрушился при нагрузках даже меньше эксплуатационных (точнее – тех максимальных, которые могли реализоваться на траектории спуска ГЧ). ЧП! В. М. Воронов вспоминал: «...Начинается поиск виновных. На предприятие прилетает заместитель министра Владимир Иванович Алферов. Штаб его расположился в кабинете Ю. Б. Харитона, который тогда отбыл, по всей видимости, на отдых. Главный конструктор (с 1959 г. им был Е. А. Негин, – С.Б.) тоже отсутствует. Рабочую группу по ликвидации причин аварии возглавляет Д. А. Фишман. Я был заморожен, наблюдая, как работал мощный тандем "Алферов – Фишман". В считанные часы был разработан план первоочередных мер по изучению причин поломки силового корпуса заряда и составлена программа совместных статических испытаний корпуса ГЧ и заряда на испытательных стендах КБ "Южное" в Днепропетровске (там разрабатывалась МБР Р-36, – С.Б.). В кабинете непрерывно звонил аппарат ВЧ (высокочастотной защищенной правительственной связи, – С.Б.). Владимир Иванович разговаривал с директорами серийных предприятий, договаривался об изготовлении и поставках крупногабаритных корпусных деталей заряда. При этом не забывал дать указание об аккордной оплате труда рабочих. Он распоряжался военно-транспортной авиацией министра обороны, как

гаражом собственного предприятия, непрерывно по ВЧ передавал временной график движения самолетов Ан-12 на предприятия и доставки собранных макетов в Днепропетровск...».

Картина впечатляющая, поучительная и хорошо иллюстрирующая как масштаб личности Алферова, так и его коллег – основателей КБ-11.

А также – и масштаб дела...

Для Воронова подобные ситуации были даже не школой жизни, а целой жизненной академией... А учиться он умел.

Как профессионал он имел склонность к вдумчивой «штабной» деятельности, обеспечивающий интересы высшего руководства института и отрасли. У него был вполне развит системный подход к проблемам, но при этом он был тщателен и к мелочам. Впрочем, о чем тут разговор – при таких-то учителях, да еще и такой ученик!..

Виктор Михайлович любил играть в баскетбол, увлекался велосипедом. Но эстафету передают не только в спорте. И он, как эстафету, принял от своих учителей склонность к умному подбору и воспитанию высококвалифицированных специалистов. Защитили кандидатские диссертации по тематике отдела В. М. Воронова 7 молодых инженеров, у 4 аспирантов он был научным руководителем, умея создать атмосферу творчества и товарищества.

Рос опыт зарядчиков, возникала необходимость в его глубоком осмыслении, а Виктор Михайлович явно проявлял вкус к аналитическим исследованиям. Поэтому, когда в 1969 г. в КБ-1 был создан отдел тактико-технических и проектно-расчетных исследований, В. М. Воронов на конкурсной основе избирается его начальником.

Работы этого «штабного» отдела при особом внимании к ним Д. А. Фишмана и С. Н. Воронина сыграли важную роль в обосновании основных положений технической политики в области зарядостроения с учетом необходимости сбалансированного сочетания количественного наращивания числа боевых блоков и максимального повышения качественного уровня применявшихся в них зарядов. В первую очередь исходили из требований повышения работоспособности в условиях противодействия ПРО. Так формировался облик современных зарядов. Позднее в своем кругу Виктор Михайлович много рассказывал о поездках в Генштаб и войсковые НИИ, о захватывающих впечатлениях от уральского ракетного КБ Макеева и днепропетровского КБ «Южное»...

Тогда же в отделе широко развернулись пионерские для того времени работы по освоению электронно-вычислительных машин и созданию методов автоматизированного проектирования.

Отдел Воронова стал ярким явлением и в профессиональной жизни зарядчиков, и вне ее. Полные остроумия и веселья отдельные вечера, вылазки на природу, шахматы в обеденный перерыв, а также и азартный «козел» в тот же перерыв за рабочим столом, а в итоге – высокий тонус в работе и отдыхе... Но главное – в работе! Во всем этом начальник отдела – стройный, подтянутый, с неизменно доброжелательной улыбкой – оказывался и формальным, и неформальным лидером.

Забегая далеко вперед, можно отметить, что отдельной страницей в жизни зрелого Воронова стала работа на общественных началах сменным редактором научно-популярного журнала «Атом» в 1990–2000-е гг. Он и здесь был тщателен, отмеривал семь раз, и лишь потом давал материалу «добро».

В 1976 г. за участие в создании боевого оснащения и в связи с передачей на вооружение самой мощной стратегической ракеты Р-36М В. М. Воронов награждается орденом Ленина. Развитие этой ракеты – МБР Р-36М2, названной в СССР «Воеводой», а в НАТО – «Сатаной», и сегодня хранит мир на планете. Еще раньше – в мае 1974 г. – Виктор Михайлович становится кандидатом технических наук. Он окончательно входит в число «корифеев», известных не только во ВНИИЭФ и Средмаше, но и в кругах выше... Секретарь партийного комитета ВНИИЭФ в 1970–1980-е гг., кадровый оружейник Василий Тихонович Солгалов в своих воспоминаниях приводит показательный разговор, который состоялся у него в Оборонном отделе Центрального комитета КПСС.

Отделом заведовал Иван Дмитриевич Сербин, еще со сталинских времен имевший прозвище Иван Грозный, и вот в ходе беседы он вдруг спросил у Солгалова:

– О чем спорят ваши начальники отделов Малыхин и Воронов?

Евгений Георгиевич Малыхин и Виктор Михайлович Воронов – к тому времени оба лауреаты Ленинской премии и кавалеры ордена Ленина – были тогда начальниками отделов научно-конструкторского сектора № 17, занятого тематикой термоядерных зарядов. Возглавлял сектор Станислав Николаевич Воронин, а Малыхин был его заместителем, одновременно руко-

Проводы на пенсию В. М. Воронова (начальник отдела в 1969–2005 гг.). В. П. Никишенкова, В. В. Бугрова, Н. С. Прохорова, Т. П. Буренкова, 2008 г.

водя отделом. Но при всей важности работ двух отделов и значительности в рамках ВНИИЭФ фигур их начальников, тот факт, что о спорах в секторе № 17 осведомлен и интересуется их сутью сам «Иван Грозный», говорил о многом. Конечно, у Сербина не было внутри ВНИИЭФ каких-то собственных тайных информаторов. Он явно пользовался информацией из аппарата Минсредмаша, где знали и Малыхина, и Воронова, да и об их позициях были осведомлены.

Но, тем не менее!

Впрочем, Солгалов спокойно разъяснил:

– Малыхин считает, что сейчас в стране много плутония и урана... Можно, не оглядываясь, делать мощные заряды. А Воронов утверждает, что нужно делать экономичные по затратам спецматериалов заряды.

– А вы как думаете?

– Экономить надо всегда и во всем, но и задача должна быть решена...

И задачи решались.

Приходят непростые для страны и ее оружейников 1990-е гг., необходимы поиски новых подходов к проблеме ядерных вооружений, важной задачей становится разработка мер, предотвращающих одностороннее ядерное разоружение России. И в 1992 г. отдел № 1708 приобретает новый статус отдела проблемного анализа ядерных вооружений № 50 при Главном конструкторе РФЯЦ-ВНИИЭФ С. Н. Воронине. «Команда»

Воронова переориентируется на исследование концептуальных проблем ядерных вооружений и оценку военно-технических перспектив их развития. За почти два десятилетия существования отдела № 50 (позднее он был влит в отделение 17) было сделано тоже немало. Так, например, при выборе путей развития перспективных стратегических носителей голос отдела Воронова прозвучал весьма весомо.

В последние годы работы – а он ушел на пенсию в 2008 г., Виктор Михайлович занимался воссозданием техниче-

ской истории развития ядерного оружия. Написанные под его руководством и при его активнейшем участии отчеты стали маленькой закрытой энциклопедией по истории развития современных стратегических систем сдерживания. Не забывал он и о публичном освещении значения ЯО в обеспечении безопасности страны. Как уже сказано, с 1996 г. он участвовал в работе редколлегии научно-популярного журнала «Атом», был в числе авторов книги воспоминаний «То время уходит в историю».

Виктор Михайлович при необходимости умел быть строгим, однако его стилем как человека и руководителя были улыбка и склонность не к наращиванию, а к сглаживанию конфликта. Возможно, здесь сказалась одна из профессиональных черт – долгое время, занимаясь исследованиями гипотетических вооруженных конфликтов, Виктор Михайлович был озабочен проблемой их недопущения в реальности и решения острых проблем мирным путем...

Его нет с нами уже шесть лет, но имя оружейника Воронова и сейчас нередко возникает в разговорах, в спорах всех, кто его знал.

Его помнят.

БРЕЗКУН Сергей Тарасович –

с.н.с. отделения 17, профессор Академии военных наук